

Беседа 52 Глас скорби к Богу

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

(Мк. 15, 34).

Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

(Мф. 27, 46).

Господь, изрекши последнюю волю Свою о Матери Своей, умолк. И на Голгофе под покровом мрака была тишина. Это были минуты скорби великой, какой еще не было на земле, скорби Богочеловека.

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

В девятом часу возопил. А что было потом? Испустил дух (Мф. 27, 50). Итак, только в конце страданий Своих Христос Иисус выражает скорбь Свою воззванием к Богу. Дотоле Он в молчании переносил муки крестные. Как много внимания, как много благоговения, как много смирения глубокого должно быть при рассмотрении слов скорби такого Страдальца!

Голгофский Страдалец говорит словами псалма пророческого (Пс. 21, 1). Мы уже видели, что 21-й псалом есть не что другое, как молитва Страдальца Мессии. Видели, что стихи 8-й, 9-й, 17-й буквально исполнились в истории распятого Господа нашего. Доселе исполняли пророчество враги — распинатели Иисуса, даже без сознания и вопреки себе самим. Теперь Сам Распятый, выполняя определенное Отцом, исполняет написанное о Нем в псалме, повторяет молитву изображенного в псалме Страдальца. Итак, в слух земли и неба свидетельствует Иисус, что страдания Его — страдания Мессии. Хотели или не хотели понять иудеи, но в слове истины ответ дан на хулы их, дерзко говоривших: *уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему* (Мф. 27, 43).

Что значат слова псалма, повторенные Христом Иисусом в отношении к Нему Самому?

Нельзя думать, что Иисус Христос, повторяя слова псалма от Своего лица, говорит не о Себе Самом. Этого не могло быть и потому, что всё, относящееся до Мессии, должно было исполниться в жизни Иисуса со всей точностью, со всею полнотою, до единой йоты. И не выше ли всякого сомнения то, что Христос Иисус уикогда не лжет в слове, как никто из людей?

*Боже Мой!*¹ *Боже Мой!* для чего Ты Меня оставил? Слова сии в устах страждущего Христа Иисуса представляют две мысли: мысль об оставлении Его Богом и мысль о чувстве, какое возбуждается оставлением, — иначе: они изображают тяжесть страданий Его и молитву за дело Его.

В псалме, изображающем Страдальца Мессию, в том псалме, начальные слова которого повторяет Христос Иисус, Страдалец говорит: «Я пролился как вода, все кости Мои рассыпались; сердце Мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности Моей. Сила Моя иссохла, как череп; язык Мой прильпнул к устам, и в персть смерти Ты полагаешь Меня». Это — картина самых жестоких страданий телесного состава. Муки Страдальца так велики, так сильны, что весь состав телесный как бы распадается на части. Нет сомнения, что это есть изображение величайших искупительных страданий Богочеловека — Христа Иисуса. И однако это есть страдание *телесного* состава. Что же совершалось в душе Страдальца Иисуса? Ее-то страдания и доводили страдание тела до такой ужасающей степени.

Бывают минуты и у святых Божиих, когда воля Мироправителя оставляет их бороться со скорбями только собственными их си-

лами. Она лишает праведника всего дорогого сердцу. Страдалец, отторгнутый от земли, видит себя среди какой-то пустыни одиноким, беспомощным, без всякого утешения со стороны людей. Потеряв всё на земле, спешит он укрыться в глубину духа своего, чтобы здесь найти какую-либо отраду. — Но вот и здесь встречает он мрак и пустоту. И здесь нет для него ни одного луча светлого, ни одной капли росы освежающей, ни одного признака жизни. Он обращается к молитве, но и молитва не дает света; возбуждает душу к любви и упованию — и от того нет облегчения. Он чувствует, что оставлен Тем, на Кого все его надежды и Кого желал он любить всей душою. «Спаси меня, Господи, — вопиет он, — я погрязая в блате глубоко, и не на чем остановиться, я изнемог от вопля, засохла гортань моя, утомились глаза мои от ожидания Бога» (Пс. 68, 2 — 4). Но это временное оставление праведной души Богом допускается потому, что и в лучших людях еще есть человеческая нечистота; она допускается с той целью, дабы, познав силу немощи и нечистоту греха, тем с большей полнотою предали себя Богу Спасителю. Следовательно, это испытание, как ни тяжело оно для человеческой немощи, находит себе основание в сознании греховности, неизбежной для человека.

Но Голгофский Страдалец не знал за Собою никакого греха. Никакой праведник не может испытывать такое тяжкое оставление Богом, какое испытывает Он. Всеми близкими сердцу Его Он оставлен. Взор Отца Небесного прежде с любовью покоился на Нем, как на исполняющем волю Его, и этот взор любви покоил дух Его (Ин. 16, 32). Но вот Он не ощущает и покоящего взора Благости небесной, остается без всякого утешения — и земного, и небесного.

Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? В саду Гефсиманском тяжка была скорбь Сына Человеческого. Тогда молился Он: *Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!* (Лк. 22, 42). Но тогда говорил Он: *Отче!* Тогда называл Он Бога Отцом Своим, Богом благости и любви. Теперь Он видит в Нем грозного Судию, Который предал Его за грехи всего мира не только во власть бесчеловечных врагов, но и всей жестокости душевных мук. В Гефсимании приближение смертной чаши потрясло святую душу Его ужасом, — теперь Он уже пьет эту страшную чашу. Над Ним тяготее клятва за грехи всех племен и всех веков. Он принял на Себя грехи человечества, и Правда Божия удалила Его от лица Божия как бы лицо виновное. Он чувствует это удаление, и оно

тяготит Его как тяжесть, не измеримая человеком. Что такое грех, как не удаление от Бога? Что такое грех, как не предмет отвращения и негодования Божия? Грешники! В вечности и вы почувствуете, что значит быть удаленным от Бога за грехи. Свет Правды Божией откроет вам состояние ваше. Теперь с умом рассеянным и темным, с чувствами, притуплёнными для всего духовного, вы не в состоянии вообразить себе того ужасного состояния. *Страшно впасть в руки Бога живаго!* — говорит Апостол (Евр. 10, 31). Если страшно то, когда гнев правды Божией изливается на грешника за его грехи, то каково состояние Того, на Кого изливается гнев Правды Божией за грехи всех грешников! Един *исполнен истоптания* ярости небесного Правосудия, *и от язык несть мужа с Ним* (Ис. 63, 3). О, грешники! Как часто вы шутите грехом! Как часто считаете вы грех милостью! Смотрите на голгофского Страдальца, как тяжело страдает Он за грехи ваши! Смотрите, как грозен суд Правды Божией над грехом!

Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Тяжки скорби молящегося Страдальца. Но глас Его не глас нетерпения или жалобы. Стенает человеческая немощь, отягченная страданием, но человечество Христа Иисуса чисто и свято во всем; томимое страданием, оно верно Богу Своему, и страдание принуждает его лишь крепко взывать к Богу. Если Страдалец молится и в молитве говорит: *Боже мой, Боже мой,* — очевидно, душа его близка к Богу и вся обращена к Нему надеждами Своими. — И Кто это, страдаая, молится? Мало сказать: праведник, это *един посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех* (1 Тим. 2, 5 — 6). Итак, это стенания Ходатая Божия за людей. «Боже праведный! — говорит Он, — грозный гнев Твой льется на Меня; по вечному определению и по Своей воле поставлен Я целью стрел правды Твоей, и всё сие — за вину человечества. Да будут же страдания Мои благоприятною жертвою пред Тобою, да примирят они правду Твою с виновными людьми!» Так стенание Страдальца, отягченного чувством отчуждения Своего от Бога, выражает собою не только усиленное стремление чистой души к Богу, но и молитву Искупителя мира за благоприятное окончание дела Его. Услышана ли эта молитва? Апостол Божий так учит нас о тайне страдания Христова: *вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его* (Кол. 1, 21 — 22). *Христос возлюбил нас и предал*

Глас скорби к Богу

Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное (Еф. 5, 2). Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого (Евр. 7, 26 - 27).

Братия! со страхом проводите время странствования вашего, зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца (1 Пет. 1, 17 — 19).

Боже праведный и благий! Страдания Сына Твоего — одна защита для нас; ради них прости немощи наши и подай силу творить святую волю Твою! Аминь.

